

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

И. Попова, А. Попов

Исторические предпосылки формирования национального идеала воспитания современной России

5 - 11

Ю. Мануйлов

Соотношение понятий «пространство» и «среда» в контексте управленческой практики

12 - 14

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕАЛА ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И. ПОПОВА, А. ПОПОВ

Завершается первое десятилетие XXI века — период реализации основного документа образовательной политики современной России — Концепции модернизации российского образования, основной задачей которого было переориентировать педагогическое сознание на воспитание молодого поколения в принципиально новых социально-экономических условиях, в условиях обновлённой России. В настоящем документе был впервые в постперестроечный период сформулирован социальный заказ современного российского государства на воспитание подрастающего поколения: «развивающемуся обществу нужны современно-образованные, нравственные, предприимчивые люди... способные нести ответственность за судьбу страны» [1. С. 13].

В продолжение начатой в 2000 году линии модернизации российского образования Президентом России Д.А. Медведевым в 2009 г. была выдвинута идея реализации национальной образовательной стратегии «Наша новая школа». И сегодня документы этой стратегии активно обсуждает вся педагогическая обще-

ственность. В этом проекте, определяющем образовательную и воспитательную стратегию развития современной школы, содержание воспитания закреплено в Концепции духовно-нравственного воспитания российских школьников и Примерной программе воспитания и социализации обучающихся.

Анализ состояния российской нации в настоящее время позволил сделать ряд выводов, вызывающих глубокое беспокойство за судьбу России. Разрушение морально-нравственных норм и ценностных установок, традиционных для России под воздействием быстрого демонтажа советской идеологической системы и поспешного копирования западных форм жизни, а также агрессивного вторжения ценностей рыночной экономики; целенаправленно и системно насаждающиеся в сознание молодёжи модели обогащения и успеха любой ценой; неопределённость и невыраженность базовой системы ценностных ориентиров, недоверие многих людей друг к другу, обществу, бизнесу и государству — всё это приводит к тому, что Россия в глазах значительной части своих граждан не является привлекательной для жизни страной.

Одна из причин такого положения дел в том, что не завершён процесс формирования системы общенациональных ценностей и приоритетов. В обществе ощущается недостаток сознательно принимаемых большинством граждан принципов и правил жизни, нет согласия в вопросах конструктивного социального поведения, отсутствуют созидательные смысложизненные ориентиры — нарушено самосознание граждан России.

Сегодня мы снова должны извлечь очередной урок истории — мы снова возвращаемся к проблеме осмысления ценностей, общественных идеалов и нравственных принципов.

В основе современной государственной политики, по словам бывшего Президента РФ Д.А. Медведева, «выстраданы и выверены за века» отечественной истории и без которых «мы не можем представить себе нашу страну» [11], лежат важнейшие из этих ценностей:

- справедливость;
- свобода личная и национальная, а также свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий;
- жизнь человека;
- межнациональный мир;
- семейные традиции;
- любовь и верность;
- забота о младших и старших;
- патриотизм;
- вера в Россию;
- единство российской нации.

Основным и единственным условием закрепления данной системы ценностей в сознании подрастающего поколения является воспитание как процесс и результат становления и развития как отдельного индивида, так и общества в целом.

В профессиональном сознании современного педагога присутствует совершенно чёткая триада позиций, определяющая представление о воспитании:

1. Воспитание — это воспроизводство обществом самого себя... (философско-педагогический подход).

2. Воспитание — это целенаправленное формирование системы личностных качеств человека (психолого-педагогический подход).

3. Воспитание — это целенаправленное управление процессом личностного развития ребёнка при создании для этого благоприятных условий (Х.Й. Леймитс, Л.И. Новикова).

Сегодня в Концепции духовно-нравственного воспитания российских школьников предлагается ещё одно определение этой категории, где «воспитание — это комплексная социально-педагогическая технология, поддерживающая развитие человека, общества и государства, содействующая решению стоящих перед ними проблем». А результатом реализации данной технологии является ориентация на достижение определённого идеала, т. е. того образа человека, который имеет приоритетное значение для общества в конкретно-исторических, социокультурных условиях.

Настоящий документ впервые за последние более чем двадцать лет выдвинул и сформулировал перед педагогической общественностью на государственном уровне проблему осознания и принятия национального воспитательного идеала как высшей цели образования, нравственном (идеальном) представлении о человеке, на воспитание, обучение и развитие которого направлены усилия основных субъектов национальной жизни: государства, семьи, школы, политических партий, религиозных и общественных организаций.

Современный национальный идеал личности, воспитанной в новой российской общеобразовательной школе, — это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающей ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях российского народа. Так условно представлена формула национального идеала воспитания в Концепции духовно-нравственного воспитания российских школьников.

Каковы же истоки, исторические предпосылки возникновения данной формулировки? Насколько глубоки исторические корни современного национального идеала личности, так востребованного новой Россией?

Исторически формирование представления об идеале воспитания в России закрепились в совершенно определённой системе образов — это:

- 1) защитник Святой Руси (Средние века);
- 2) «человек государственный, слуга царю и Отечеству» (XVIII в.);
- 3) полезный государству и Отечеству гражданин (XIX в.);
- 4) личность, ориентированная на самопожертвование во благо своей страны, во имя коммунизма (XX в.).

Даже в таких кратких тезисах трудно не обратить внимание на основную идею воспитания многих поколений россиян — это защита государства, основанная на приоритетах нравственности и самоотверженности. Анализируя исторические истоки формирования национального идеала воспитания в современной России, особое значение приобретает период гибели Древней Руси и становления Московского государства, когда монголо-татарское нашествие растоптало культурные традиции старого, полуязыческого общества.

В средневековом обществе главными носителями национальных духовно-нравственных ценностей, составляющих суть воспитания, выступали представители военной элиты — князья и дружина. Старые мотивационные основы, опи-

раующиеся на ценности личной чести и славы, в условиях татаро-монгольского нашествия были неприменимы.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» противопоставлена жизнь князей и воевод до и после нашествия. Жизнь, полная чести, славы, власти и веселья, завершилась с приходом Батыя. Устами Ингвара Игоревича, плачущего по своим братьям, летописец восклицает: «Лежите на земли пусте, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше? Многимъ землямъ государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлении. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами!» [б. С. 196].

Однако страшнее смерти для выживших было зрелище гибели всего того, что составляло суть их жизни. Князь Ингвар Игоревич вернулся в Рязань после того, как её разграбили монголы, «видя ея пусту, и услыша, что братья его все побиены оть нечестиваго законопреступника царя Батыя, и прииде во град Резань и видя град разорён, а мать свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мёртвых лежаща, и град разорень, церкви позжены» [б. С. 192].

Военачальники, стоявшие во главе русских земель, не смогли защитить их. Бессилие и стремление отомстить за гибель всего, что было им дорого, толкали воспитанных в традициях воинской чести князей и бояр на самоубийственные выступления против монголов: «мёртвыи бо срама не имамъ» [10. Т. 1. Стб. 70.]. В этом духе действовали герои «Повести о разорении Рязани Батыем»: готовый испить «чашу смертную» Юрий Ингваревич Рязанский, Евпатий Коловрат со своей дружиной, стремившийся погибнуть, но отомстить монголам за гибель Рязани [б. С. 190, 192]. Другим вариантом самоубийственного поведения князя был пример Михаила Черниговского, сознательно шедшего на смерть в Орде [б. С. 230].

Но оставшиеся в живых князья отвечали не только за себя: за их спиной стояли незащищённые города, на которые в любой момент могли обрушиться захватчики. Русские князья стали активно перенимать опыт монголов, налаживать дипломатические контакты, предотвращая набеги. Летописец утверждает, что их вела жажда власти и мирской славы: «прелстишася славою света сего» [б. С. 230]. Для многих князей и бояр этот мотив был определяющим. Однако среди них были и другие — такие, как Даниил Галицкий, воспринимавший «честь татарскую» как унижение, но сознательно подвергшийся ему, чтобы защитить свой народ.

Князья XIII в., вынужденные выживать вместе со своим народом в условиях монголо-татарского ига, пытались найти ответ на вопрос, в чём причина «погибели Русской земли». Распространение христианства, рост авторитета православного духовенства в XI–XIII вв. привели к тому, что многие из них обратились к авторитету и влиянию *церкви*.

Нашествие половцев, а затем монголо-татар, стало серьёзным аргументом в пользу православия не просто как веры, но и как образа жизни. После появления половцев церковь предупреждала князей, что это Бог карает Русь за многочисленные клятвopреступления и междоусобицы князей, и им необходимо изменить своё поведение, однако они не послушали пророчеств, и, по словам летописцев, Господь вновь наказал Русь опустошительным нашествием. Таким образом, в ответе на вопрос о причине нападения монголов на Русь стала повсеместно звучать формула — «за грехи наши» [б. С. 148–154; 444; 10. Т. 1. Стб. 438].

Эта мысль легла в основу военных повестей, посвящённых битве на Калке и монголо-татарскому нашествию. Монголы рассматривались в них как апокалипсическая кара, адское нашествие, предшествовавшее концу света, орудие божественного гнева [6. С. 188]. Главными виновниками нашествия русские книжники считали князей: «Но не сих же татар ради сие случися, но *гордости* ради и *величания* рускыхъ князь попусти Богъ сему быти. Беша бо князи храбры мнози, и высокоумны, и мнящся своею храбростию съделовающе» [6. С. 150].

В подобном отношении к вторжению монголо-татар заключалось определённое мужество, залог будущего возрождения: если нашествие было вызвано собственными грехами, то праведная жизнь искупит их. И не только искупит, но и отнимет силу у монголов, ибо они перестанут быть орудием Божьего гнева. Прямо эта мысль высказана была епископом Серапионом: «Прибегните к покаянию — и гнев Божий прекратится, и милость Господня уже изливается на нас, и казнимы будут томящие нас» [2. С. 531].

Первым шагом к нравственному возрождению была канонизация церковью князей — «*святых мучеников*» (так же, как Борис и Глеб, святыми хранителями Русской земли стали Роман Ольгович Рязанский, Василько Константинович, Георгий (Юрий) Всеволодович, Михаил Всеволодович Черниговский) [8. С. 528, 530.]. Их мученическая смерть рассматривалась как искупительная жертва, которую должен быть готов принести каждый владыка, получивший от Бога право на власть. Эти принципы через представителей духовенства формировали духовные ценности и образцы поведения, на которых воспитывались новые поколения князей и бояр [8. С. 51.].

Осознание того, что монголы были посланы Богом «за грехи наши», требовало от князей вместе с мирским оружием овладевать «*оружием духовным*» [9. С. 46, 48]. М.Н. Громов и В.В. Мильков справедливо замечают, что расположение Бога в «Сказании о Мамаевом побоище» зависит от *нравственного облика правителя* [2. С. 209–210]. Дмитрий Донской в данном случае соответствует идеалу праведника: с ранней юности он «*духовных прилежаше делесех... злонравных человекъ отвращашеся, а съ благыми всегда беседоваше. И божественных писаний всегда съ умилениемъ послушаше, о церквахъ Божиихъ велми печашеся*» [7. С. 208].

В период Куликовской битвы ещё ощущалась необходимость в воинах-мучениках, своим самопожертвованием искупавших грехи Руси, однако теперь к ним приравниваются не просто принявшие муки и исполнившие подвиг непротivления, но воины, *павшие в бою* с татарами [7. С. 106–122]. При этом одним из главных стимулов, ведущих их в бой, было осознание, что они сражаются «за христианство» [10. Т. 11. С. 65–66].

В ответ воины ожидали божественного воздаяния за свой ратный подвиг. В летописном «Сказании о Мамаевом побоище» Дмитрий Донской, обращаясь к союзникам-князьям, говорит: «Братия князи русские, гнездо есмя князя Владимира Святославича Киевского, ему же откры Господь познати православную веру... и заповеда нам ту же веру святую крепко *дръжати и хранити и поборати по ней*. Аще кто еа ради *постражетъ, то въ ономъ вѣце съ святыми пръвоумчившимися по вере Христове причтень будетъ*» [7. С. 144].

Мысль о божественной помощи в этот период развивалась, безусловно, представителями духовенства. Её пик приходится на XV в., когда было создано

«Слово об убиении Батыя в Угрех», вошедшее в летописный свод под 1479 г. и созданное, по всей вероятности, Пахомием Сербом. Главный герой этого произведения князь Владислав, оставшийся почти без войск, постился на столпе сухим постом, и Бог послал ему в помощь коня с секирой, благодаря чему Владислав и смог убить Батыя.

К этому же периоду относится чудесное спасение Руси от войск Едигея. Согласно «Повести о Темир-Аксаке», покаяние князя вместе с народом позволило иконе Богородицы защитить Русь от нашествия. В результате Темир-Аксак не осквернил святое пространство Руси: «...отъиде от Руския земля, отступивъ поиде прочь отнюду же прииде, земля Рустей отнюду же не прикоснуса, ни оскорби...» [7. С. 240].

Чрезвычайно подробно этот вопрос разбирает митрополит Макарий в своём послании Ивану Грозному, стоящему под Казанью. По его мнению, успех в войне с неверными Бог дарует только в том случае, если как сам полководец, так и его воеводы и воины по своим нравственным качествам достойны этой победы.

О том, что эта мысль получила распространение и утверждение в среде военных управленцев, свидетельствуют сочинения Андрея Курбского. Он подчёркивал, что православному военачальнику необходимо быть *истинным христианином*, и тогда Господь подскажет ему верное решение, благочестивого человека на этом свете ждут и победы на поле боя по божественному благоволению, и успешная карьера. Напротив, за грехи Господь карает воинов поражениями, а нечестивая жизнь может довести и целый народ до потери своей земли [5]. Так, рассказывая об образе жизни населения Литвы, А. Курбский писал: «Жители были в ней очень горды, они отступили от христианской веры и от добрых обычаев своих праотцев и ринулись все по широкому и пространному пути, ведущему к пьянству и прочей невоздержанности, стали привержены к лени и долгому спанью, к беззаконию и кровопролитию междоусобному, следуя злым учениям и делам. И я думаю, что Бог из-за этого *не допустил им быть в покое и долгое время владеть отчизнами своими*» [5. С. 74].

Ещё опаснее неправедная жизнь царя: наказание за его отступление от божественных установлений — гнев Божий, обращённый на весь народ. По мнению А. Курбского, для того, чтобы «смирить лютость» Ивана Грозного, Господь «подал ему знак, обрушив на Москву великий пожар. Из-за того пожара разразилось столь великое возмущение всего народа московского, что сам царь принуждён был спрятаться со всем своим двором». Впоследствии Божий гнев видится Курбскому в поражении от казанского царя и казанском восстании [5. С. 70].

Документы XIV–XVI вв. подчёркивают необходимость для воина и особенно военачальника быть высоконравственным и достойным человеком для сражений в священной войне за Святую Русь. Это не отменяет профессиональных требований к военному, что было очевидно для современника, но не всегда понятно для историка XXI века. Отсюда появление такого рода пассажей (в данном случае — по поводу характеристики Дмитрия Донского): «читатель не может разобраться, что же реально обеспечило герою победу: его смиренномудрие и молитвы или государственная мудрость, воинский талант и личное геройство» [3. С. 59].

Таким образом, в тяжелейших условиях татаро-монгольского ига и периода отстаивания независимости и самостоятельности русского государства

XIV–XVI вв. в обществе формируется устойчивое, впоследствии определяющее российскую ментальность представление об идеале воспитания подрастающего поколения. Его основу составлял образ защитника Святой Руси с системой ценностей, опирающейся на православные представления о единстве христианских земель и соборности духа русского православного народа. Всё это крайне актуально для современной России. Отсюда неслучайно начало XXI века вступает в диалог с историей, а идеалы средневековой Руси осознаются как базовые архетипы национального сознания и приобретают востребованность в формировании основ воспитания.

Литература:

1. Вестник образования № 6. 2002.
2. Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.
3. Кабанов А.Е. Интеллигенция Древней Руси и проблема государственной власти // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. Иваново, 2008.
4. Князький И.О. Русь и Степь. М., 1996.
5. Курбский А. История о великом князе Московском. М., 2001.
6. Памятники литературы древней Руси, XIII век. М., 1981.
7. Памятники литературы древней Руси, XIV — середина XV века. М., 1981.
8. Памятники литературы древней Руси, вторая половина XV века. М., 1982.
9. Памятники литературы древней Руси, конец XVI — начало XVII века. М., 1987.
10. Полное собрание русских летописей.
11. Послание президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml
12. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
13. Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской армии. М., 2006.

